

Вырезка из газеты

КОММУНАР

1 МАЯ 1975

г. Тула

— Андрей Николаевич, Вы много поработали, увидели предостаточно. Как Вы оцениваете пройденный путь? Сбылись ли Ваши мечты?

— Думаю, вполне, потому что занимаюсь любимым делом. Театром увлекся с юных лет, боясь даже себе в этом признаться. Ну, может, когда-то и хотел сыграть Гамлета. Кто же не мечтает в юности о таких ролях? Однако я вырос, набирался мужества, опыта, сил. Со временем понял, что свои мысли, поиски, наблюдения можно раскрывать и в ролях иного характера. Главное, что я усвоил навсегда: играть просто, правдиво, чтобы зритель поверил...

Разве их все вспомнишь, роли, которые сыграл на своем веку? Сколько их было! И положительных, и отрицательных — разных и по внешности и по внутреннему содержанию. К каждому герою Бибилов искал свой путь. Еще со студенческой скамьи он внушил себе простую непреложную истину: актер должен быть искренен, чтобы задеть за живое публику, чтобы разгневать, рассмешить, растрогать ее. Не легко было этому следовать.

Помнится ему, как быстро и остро подхватил он характер судьбы в инсценировке по рассказам О'Генри (тогда Андрей Николаевич только начал познавать азы актерского мастерства в театральном училище столицы). Как-то и внешне, и внутренне почувствовал героя, монокль себе надел, осанку подобающую принял, двигался свободно, непринужденно, расслабившись несколько.

А когда Андрей Николаевич репетировал в «Энергии» Ф. Гладкова колхозника, удирающего со стройки, он снова нашел изюминку. Роль хотя была эпизодической, она заиграла, ожила. На одной из репетиций присутствовал автор пьесы и смеялся от души над незадачливым колхозником Бибилова. А ведущий педагог удостоил его высшей похвалы: «Вы верно играете».

Зато на всю жизнь запомнил частного пристава в «Смерти Тарелкина». Ставил спектакль великолепный актер В. Ванин. Он сам показывал, как надо играть: он талантливым был режиссером, этот удивительно подвижный, неутомимый человек. Ох, и намучился вдоволь тогда Андрей Николаевич, как ни старался, как ни бился над непослушной ролью.

То были серьезные уроки для молодого актера: играть правду и только правду, выкладываться до конца и «не влезать в чужую шкуру не по мерке».

Может быть, это даже к лучшему, что именно так, именно с этих удач и ошибок он вступил на свой путь. Наверное, они и помогали Анд-

рею Николаевичу в будущих его работах.

Много лет прошло с тех пор. Андрей Николаевич сыграл Соколова («Таня»), Любима («Бедность не порок»), Яишницу («Женитьба»), Иржека («Прага остается со мной»), Стива («Преступление Энтони Гранта»), Каренина («Живой труп»), Синицына («Трасса»), Воробьева («Два цвета»), Коня («Враги»), Мякиля («Юстина»).

И работы последнего времени: Семен Лукич («Долги наши»), Пахомыч («Тульский секрет»), дядя Ермолай («Характеры»). Да все и не перечислишь.

— Помните, Андрей Николаевич, Станиславский точно подметил: «Что надо для того, чтобы вырастить плод или растение? Надо вспахать почву, найти семя, зарыть его в землю и поливать. В нашем деле — то же. Надо вспахать мысль, сердце артиста. Потом надо найти семя пьесы и роли, зарыть его в душу артиста и потом поливать, чтобы не давать ему засохнуть...» Как Вы взращиваете свое семя? Что помогает Вам создавать образы героев, совершенно непохожих?

— В первую очередь, наверное, режиссура. Та режиссура, что рассчитана на психофизические возможности актера, на взаимопонимание актера и режиссера. Партнеры, безусловно. А больше всего — воспоминания, собственные переживания...

...Только что свершилась революция. Еще полыхала гражданская война... Бурное было время. Воздух был насыщен веянием искусства, и в людях ощущалась большая тяга к театру, литературе. И не знал мальчуган Андрей Бибилов, что где-то рядом умирает Вах-

тангов, что Станиславский имеет к нему самое прямое отношение, что ходит в школу мимо дома, где жила Айседора Дункан. Но он чувствовал взволнованность надвигающейся новой эпохи, она будто передавалась ему незаметно.

Это было время расцвета творчества Станиславского, его экспериментов, его студий. Впечатления от спектаклей «Принцесса Турандот» в поста-

с достоинством говорит пан Терезчак остальным обитателям подвала, — но я не имею права умирать... Я должен найти тех, кто предал сына...

В голосе старика глубокая скорбь звучит: как он мог поверить, что его сын — предатель.

Он мало говорит. Он молча ином играет. Но молчание каково!.. Перед нами другой Терезчак.

ДОБРЫЙ МАСТЕР

Только что он умирал, умирал тяжело, но гордо, в плену у врага. Нам было больно за него, мы так хотели снова увидеть его неторопливую походку, ласковые улыбочные глаза.

Сцена гибели старого Сапера в спектакле «Люди, которых я видел» — трагична. Сапер погибает, но своей гибелью приближает самый счастливый, долгожданный день — День Победы; он шел к ней так же, как шагала жестокими дорогами войны сам актер, с оружием в руках и так же добросовестно, честно, великой скромности человек, работал на Победу.

И вот он уже у себя в гримборной — большой, спокойный, сильный. Он — Андрей Николаевич Бибилов, тот самый добрый мастер, сохранивший к театру любовь на всю жизнь.

Не один десяток лет отдал старейший актер театру. Только в нашем драмтеатре он трудится двадцать три года.

новке Вахтангова, «Гамлет», «Гибель надежды», «Поток» с участием Михаила Чехова и подвела Андрея Николаевича к окончательному решению, выбору неожиданному, но бесповоротному. (Кем он только не был в юности: пожарным, чернорабочим, по комсомольской путевке ездил на торфоразработках). Да и можно ли было мечтать о другой профессии после тех спектаклей!

Воспоминания... Не в них ли таятся искры вдохновения, опыта? Не помогло ли Андрею Николаевичу воспоминание в работе над ролью пана Терезчака в спектакле «Прежде чем пропоет петух»?

...Война. Страшный бой под Белевом. Там погибла санинструктор Лиза Шамшикова, отважная девушка. Она не хотела отступать, она осталась с ранеными... Врезалась она ему в память на всю жизнь, минотетичку Бибилову...

Есть в спектакле эпизод: пан Терезчак случайно узнает, что его сын не изменник, что был партизаном. Как реагировать на неожиданное известие? Он должен испугаться? Просить пощады у господина Фишла? Нет. На глазах пана Терезчака — слезы, слезы радости и счастья. Он готов остаться в подвале, куда попал как один из заложников. Он даже поет.

— Мне теперь все равно, —

Может, актер вспомнил в тот момент кого-то из товарищей-фронтовиков, того земляка из Щекина ездового Волкова, мирного человека, славного парня, которого тоже не пощадила война...

Чуткая внимательность к крошечным деталям, личные переживания, ассоциации, фантазия — это ли не богатейший багаж, который надо распаковать очень осторожно?

— Вот выходите Вы на сцену. Вы уже не актер и не активист месткома, Вы — один из героев истории, которую предстоит показать публике. Как Вы себя чувствуете на сцене?

— Есть актеры, которые перед выходом сразу переключаются, буквально за секунды до выхода. Я же должен как-то внутренне собраться, сосредоточиться...

Искусство актера — неповторимое искусство. И пусть он в сотый раз играет, скажем, Хлестакова, мы должны увидеть сегодня в нем что-то новое, отличное от вчерашнего. Эта задача не просто трудная, она мучительная.

Однажды, работая над очередной ролью в Сталиногорском театре (ныне — Новомосковском), Андрей Николаевич наткнулся в «Комсомолке» на тогда (до войны это было) новые изыскания Станислав-

ского о том, что играть каждый раз надо как бы заново: быть в данных обстоятельствах самим собой — сегодня, сей час, здесь.

Это открытие навело на размышления, позволило взглянуть на себя со стороны, на свои работы прошлые и будущие с позиций уже иных, обновленных.

«Профессия актера сколь прекрасная, столь и жестокая», — Михаил Ульянов испытал это на себе, и эту мысль его можно отнести к любому актеру, который, растворяясь в мире героя своего, живет, радуется, плачет так же искренне, как в собственной жизни.

Не потому ли, сосредоточиваясь перед спектаклем, Бибилов отбрасывает прочь все, что произошло до сей поры. И мы ждем его героев, волнуемся за них, переживаем. Они приходят не спеша, запросто, негромко. Мы впитываем их мудрость, доброту, и нет в них ложной театральности, в них — правда.

«Характеры». Бибилов — дядя Ермолай. Что чувствовал его старый, честный колхозник, когда Вася с Гришкой так «сторожили» колхозное добро, что прозевали разбушевавшуюся ночью грозу? На рассвете дядя Ермолай, он-то уж глаз не сомкнул в ту ночь, допытывается, где же были Вася и Гришка, где сторожили. Он и поверить им хочет, просторная, открытая душа, и не верится ему: уж больно нахально врут ребята. И тогда вспыхнул, взорвался дядя Ермолай, парни перед ним оробели, ошелоли.

Сцена длится считанные минуты, но она настолько убедительна искренностью своей, что трудно различить, где дядя Ермолай, где актер Бибилов. Скупые, четкие штрихи, их так мало, но мы несколько не сомневаемся в его дяде Ермолае. Нет актера, нет героя, есть живой человек. Он среди нас, он требует от нас правды.

Тихий, спокойный талант Бибилова (да простит меня Андрей Николаевич, не смогла я обойтись без этого слова, хотя он очень просил его не употреблять. «Не талант, а работа, труд рождает актера, закаляют и совершенствуют его», — не раз он подчеркивал во время наших встреч), он нужен театру. Актер превращает свои роли в яркие судьбы, запоминающиеся строгостью, выразительностью. И неважно, что он не сыграл Гамлета. Нам его простые, сердечные, бесхитростные герои гораздо ближе и роднее.

З. ЖУРАВЛЕВА.

На снимке: А. Н. Бибилов в спектакле «Люди, которых я видел» в роли старого Сапера.

Фото Е. Сускова.